

Кукрыниксы – художники Победы

**Кукрыниксы —
творческий коллектив советских
художников-графиков и
живописцев, в который входили
действительные члены АХ СССР,
народные художники СССР,
Герои Социалистического Труда
Михаил Куприянов (1903—1991),
Порфирий Крылов (1902—1990) и
Николай Соколов (1903—2000)**

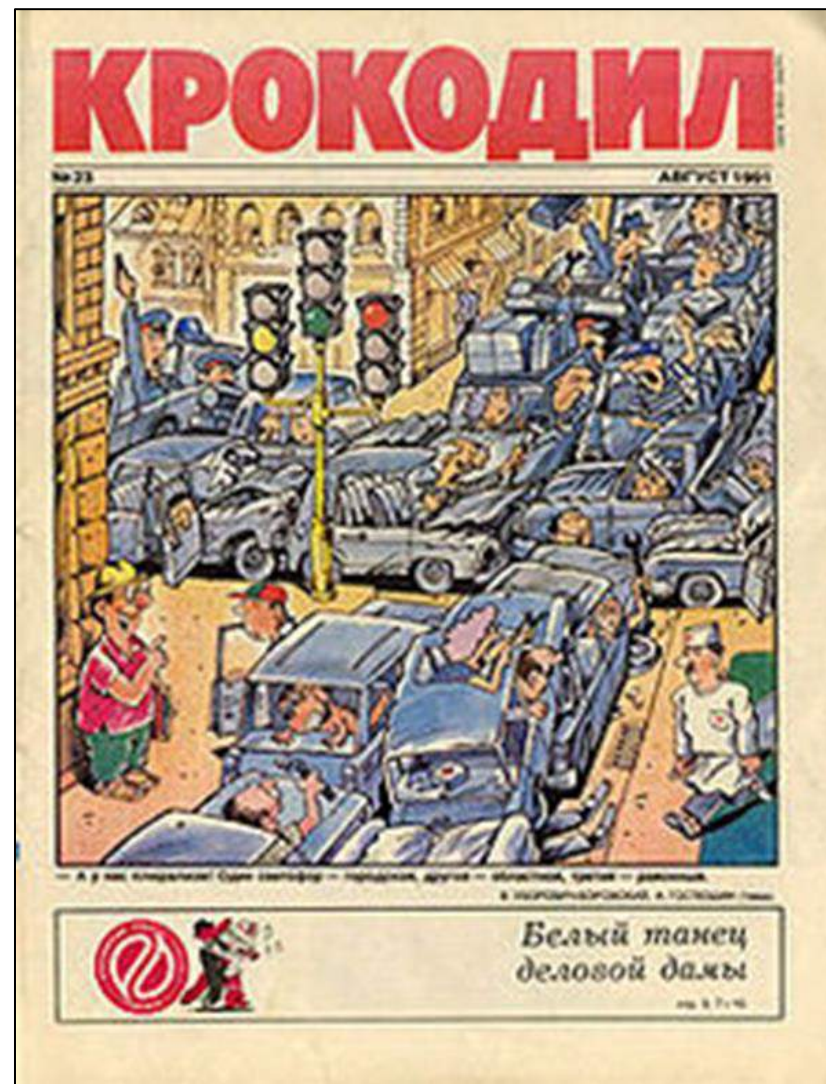
КУ – Куприянов

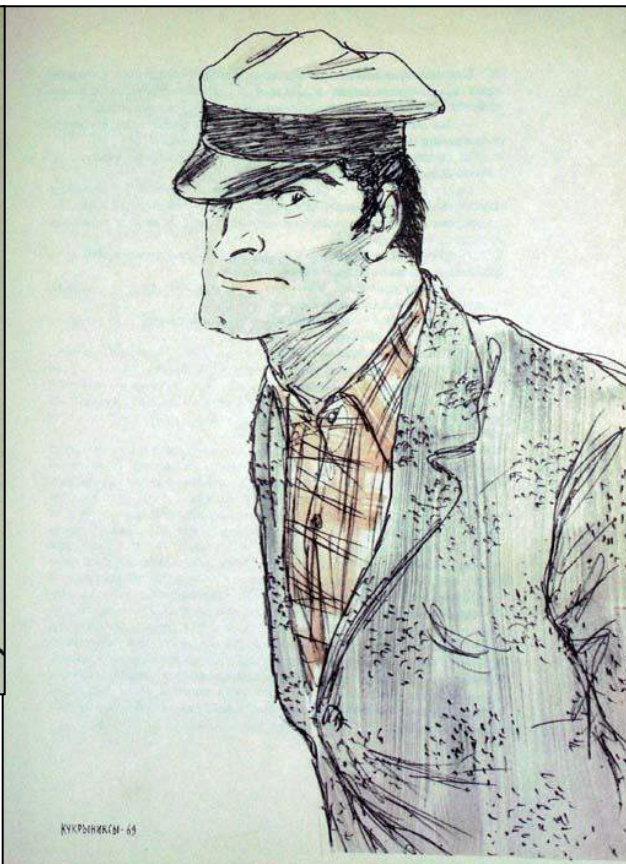
КРЫ – Крылов

НИКС – Николай
Соколов

**Бывшее здание ВХУТЕМАС,
ныне Российская академия живописи, ваяния и зодчества**

«Золотой теленок»
в иллюстрациях КУКРЫНИКСов

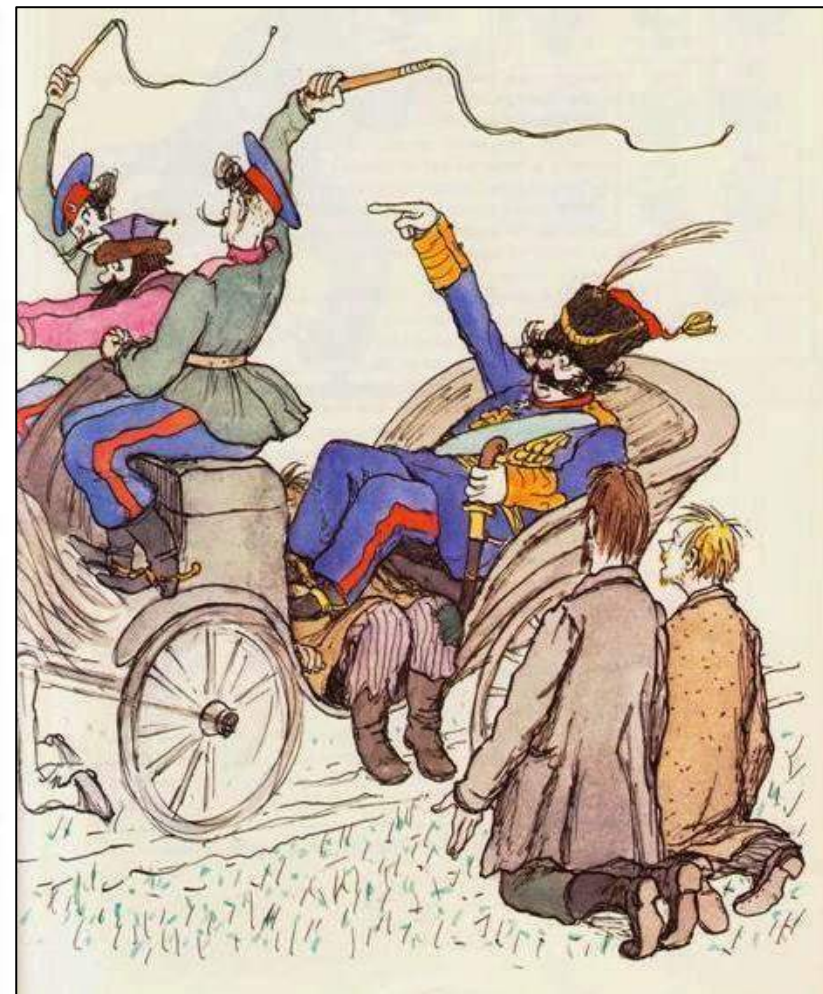

Иллюстрации к повести Н. Гоголя «Портрет»

Сказ о Тульском Левше

Кукрыниксы. Государь Николай Павлович рассматривает стальную блоху через мелкоскоп

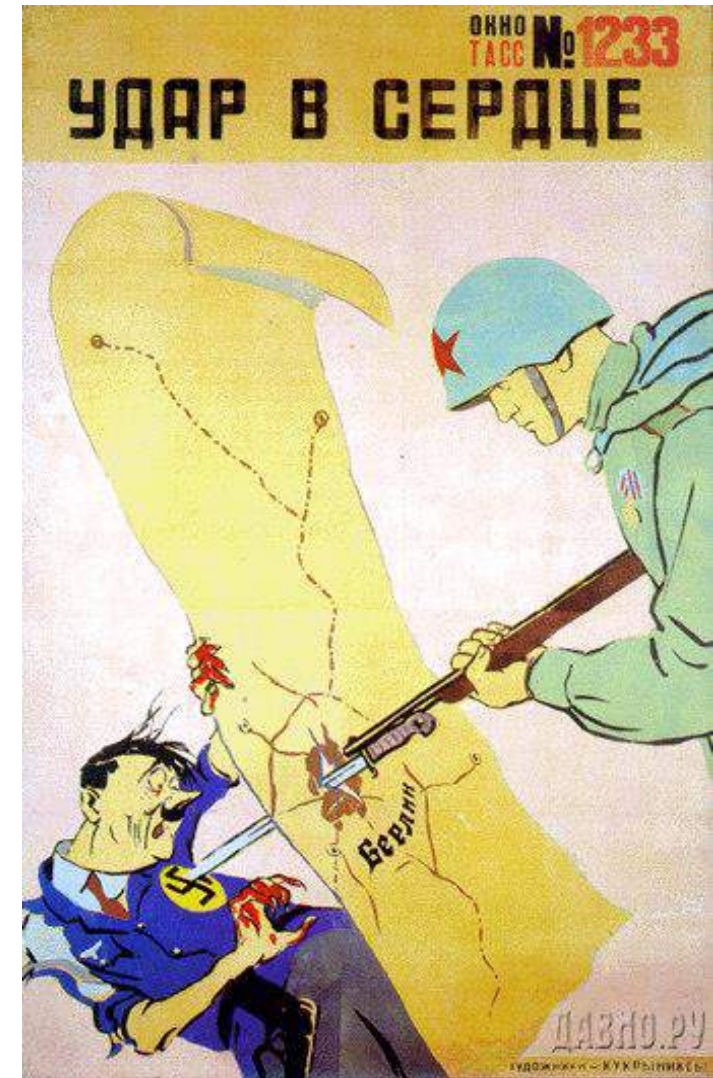

Кукрыниксы,
Иллюстрация к басне С. Михалкова
«Лиса и Бобер»

Иллюстрации Кукрыниксов к рассказу
А.П.Чехова "Дама с собачкой"

Окна ТААС

ОКНО
ТАСС №929

УРОК НЕМЦАМ

Гитлер еще раз обманул своих солдат и офицеров, обрел их на истребление. Пусть же новое грандиозное победное шествие гитлеровских войск в районе Курска-Щемячского сослужит для немцев еще одним уроком — как опасно полагаться на лживые обещания «Фюрера».

(Из газеты «Правда»)

www.davno.ru

www.davno.ru

ГИТЛЕР ПРЕДПОЛАГАЕТ, А КРАСНАЯ АРМИЯ РАСПОЛАГАЕТ

художники — КУРЬЯНИНСЫ

Работы времен Великой Отечественной войны

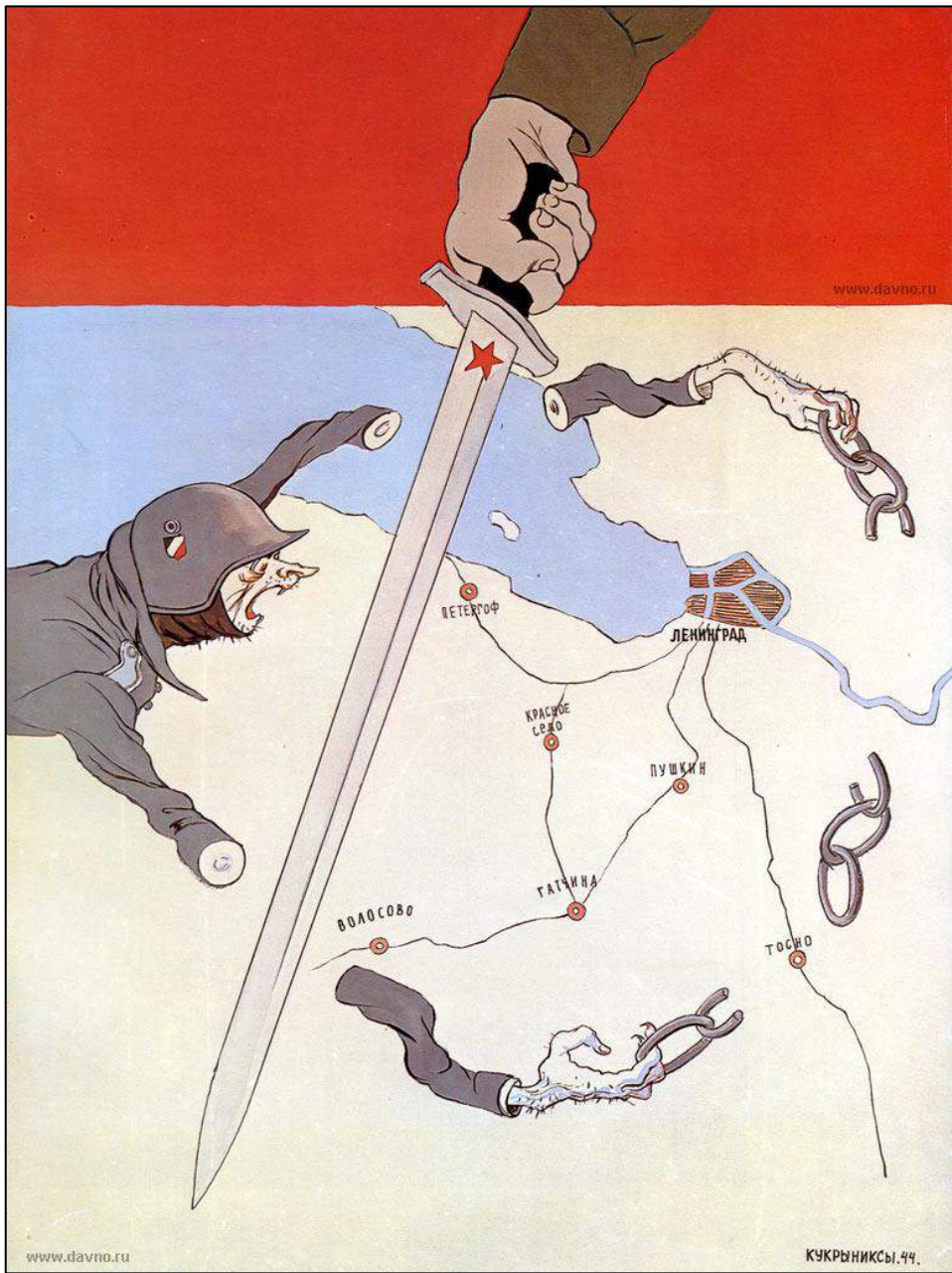
1941 г.

ОСВОБОДИ!

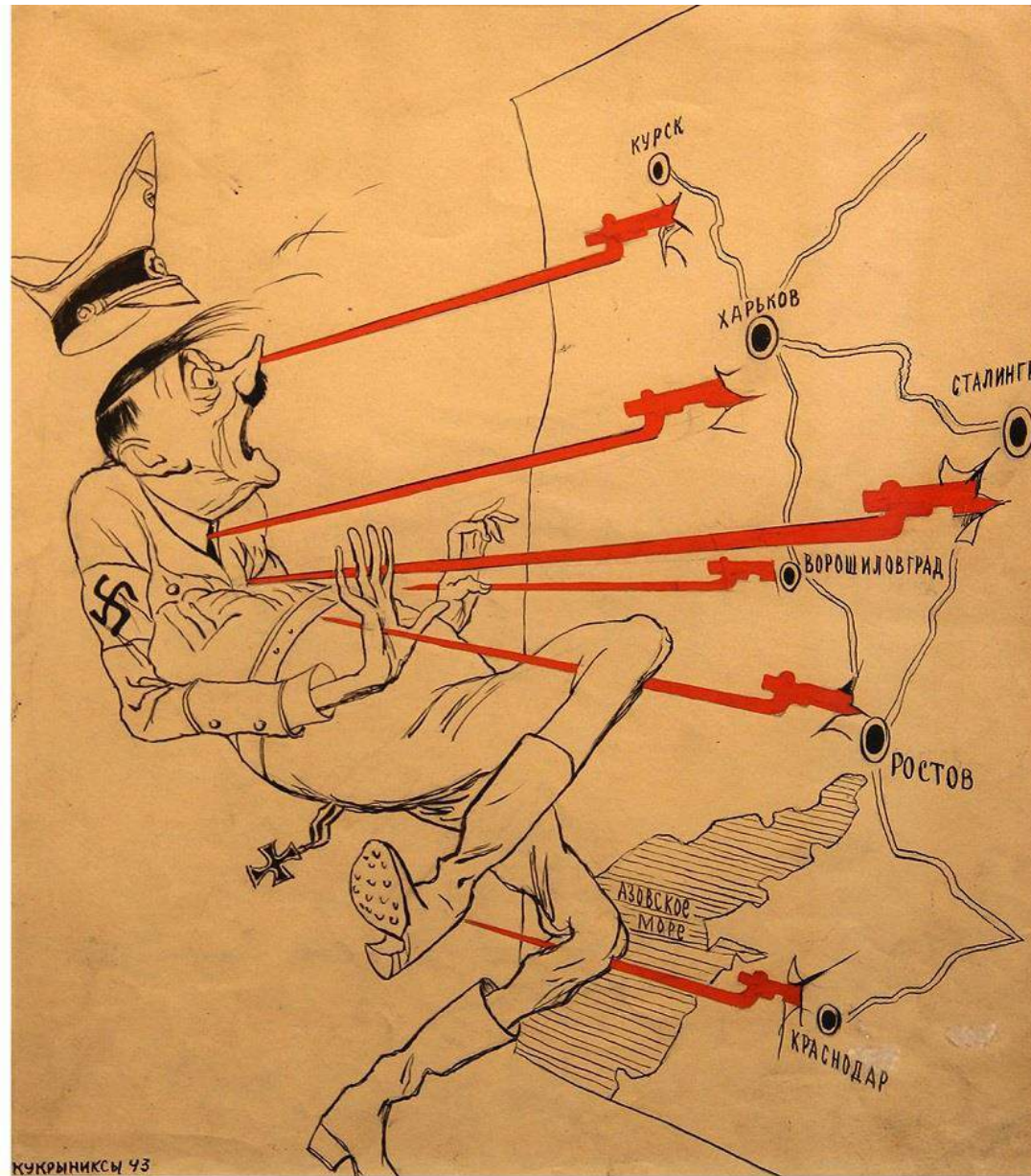
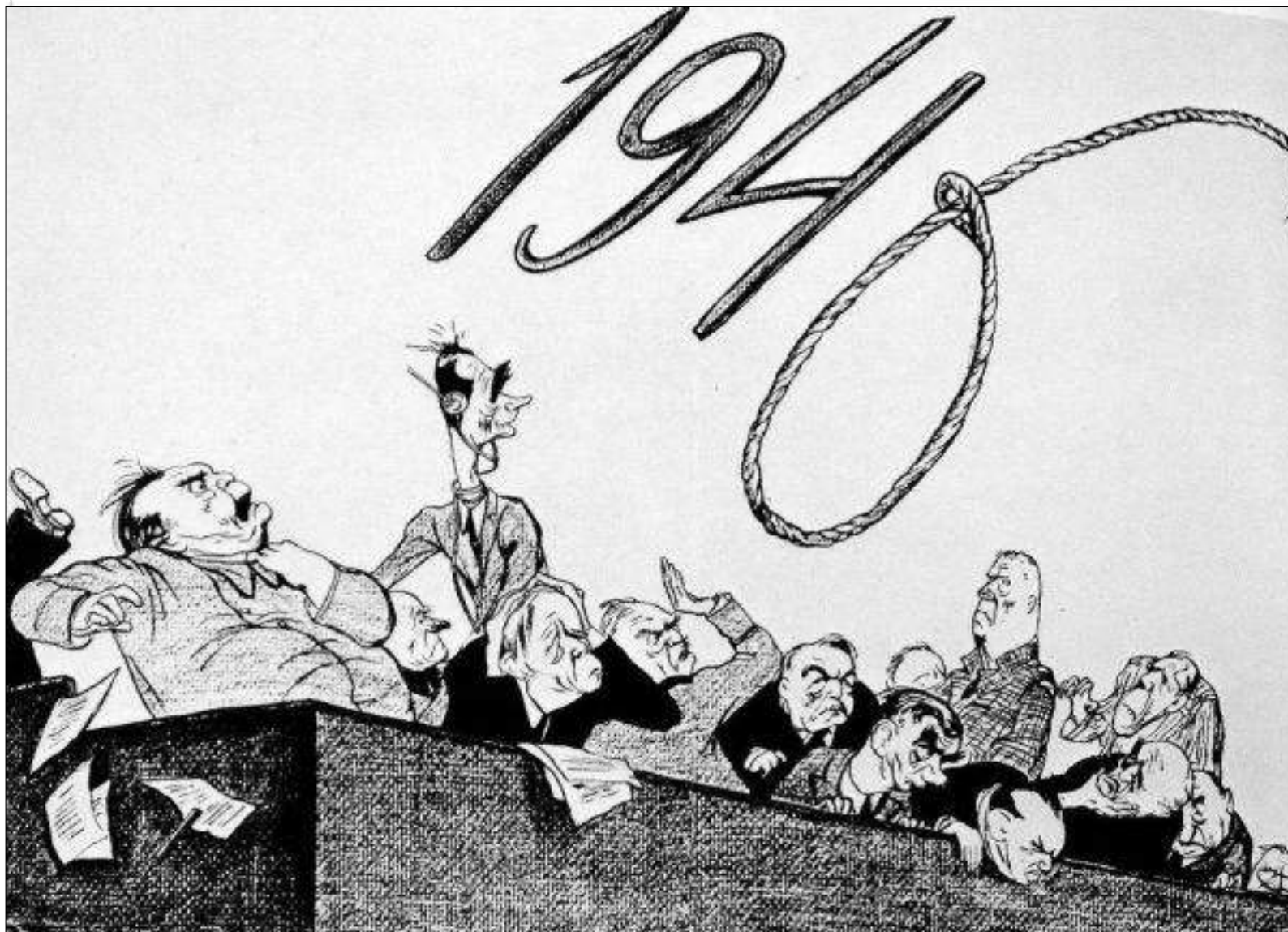

Рисунок. История с географией. 1943
бумага, тушь, акварель

Послевоенные работы

В 1946 году коллектив был в полном составе отправлен на [Нюрнбергский процесс](#), где художники делали зарисовки обвиняемых и карикатуры. Позднее, в 1967 году, все эти материалы были использованы для создания большого полотна «Обвинение (Военные преступники и их защитники на Нюрнбергском процессе)».

Конец войны. Немцы жмут как раз. — Восстановить, но молча ни минуты! — Сержанту Новикову отдан был приказ. И он пошел окольной тропой. Он понимал, что он не чародей, но в этот час он был властитель боя. — В его руках была судьба людей. Он отыскивал разрыв и подтягивал провод. Соединил отдельных два конца. Колочка, певучая, как овод. Шмыгнула пуля возле хвостца. И началось. Запело, засвистало.

Тогда он стиснул два конца зубами И принял бой, неравный, дерзкий бой. Его нашли, когда уже смеркалось. В руках — винтовка, подтянутый прицел. В зубах был провод. Связь не прерывалась. Вблизи валялась груда вражеских тел. Он тихо умер. Чуть назад отпрянул, Но на лице его спокойном и упрямым. Не ужас был, а ненависть и гнев. Сергей ВАСИЛЬЕВ. 1-я Московская мото-стрелковая Гвардейская дивизия.

Труп комсомолки-партизанки Татьяны, зверски замученной и повешенной гитлеровскими бандами в деревне Петришево, Березовского района, Московской области. Фото С. Стрелинкова.

ТАНЯ

В перерыв чехарды декабря 1941 года в Петришево, близ города Березы, немцы казнили восемнадцатилетнюю комсомолку-партизанку, назвавшую себя Татьяной.

То было в дни наибольшей опасности для Москвы. Дачные места за Голицыном и Сходней стали местами боев. Москва отбрасывала добровольцев-смельчаков и позвала их через фронт для помощи партизанским отрядам в их борьбе с противником дотла.

Вот тогда в Петришево кто-то перерезал все провода германского полевого телефона, а вскоре была уничтожена колония немецкой оккупационной части и в ней семнадцать дачников. На следующий вечер партизаны были пойманы.

Из рассказов солдат петришевские колонники узнали обстоятельства поимки партизана. Он пробрался в важную военному объекту. На нем была шапка, меховая куртка, стеганые ватные штаны, сапожки, а через плечо — сумка. Ночью в объекту, человек сунул за пазуху пистолет, другой держал в руке, достал из сумки бутылку с бензином, полаял на нее и потом вынул, чтобы перекурить спичкой.

В этот момент часовой позвонил к нему и обхватил сзади руками. Партизану удалось оттолкнуть немца и выхватить револьвер, но выстрелить он не успел. Солдат выхватил у него из рук оружие и поднял тропку.

Партизан был отведен в кабу, где жили офицеры, и тут только разглядели, что это — девушка, совсем юная, высокая, стройная, с большими, темными глазами и темными, стриженными, волосами на затылке.

Хозяева дома были приказаны выйти в кухню, но все-таки они слышали, как офицер задавал Татьяне вопросы и как та быстро, без заминки отвечала: «нет», «еще слышу», «нет»; и как потом

в воздухе зашестели ремни, и как стегали они по телу. Через несколько минут комсомольский офицерик выскочил оттуда в кухню, уткнул голову в ладони и прошептал так до конца допроса, зажмурив глаза и закрыв уши.

Хозяйка извела два удара. Но Татьяна не издала ни одного звука. А после опять отвечала: «нет», «еще слышу», только голос ее звучал глуше, чем прежде. После допроса Татьяну повели в кабу Василия Александровича Кулика. На ней уже не было ни валенок, ни шапки, ни телогрейки. Она шла под колесом в одной сорочке и трусиках, ступая по снегу босыми ногами.

Когда ее ввели в дом, хозяйка при свете лампы увидела на лбу у нее большое носовое-черное пятно и осалины на ногах и руках. Руки девушки были связаны сзади веревкой. Губы ее были иссушены и кровь и вытекала. Наверно, она кусала их, когда богами от нее хотели добыть признания.

Она села на лавку. Немецкий часовой стоял у двери. С ним была еще один солдат. Василий и Прасковья Кулик, дева на печи, забавляла за арестованной. Она сидела спокойно и неподвижно, шумом попросила пить. Василий Булик шептал с ней и попошел было к калитке с водой, но часовой оттолкнул его.

— Тоже хочешь пиздос? — злобно спросил он.

Солдатам, жившим в кабу, окружив девушку и грозно потешались над ней. Одни шпыряли ее кулаками, другие подносили к подбородку зажигательные спички, а кто-то пролез по ее спине пальцем.

Натешившись, солдаты ушли спать. Часовой велел куликам вынести Татьяну и велел Татьяне подняться и выйти из дома. Он шел позади нее вдоль по улице, почти

взломную привастил штык и ее спина. Потом он крикнул: «Шурри!», и повел девушку в обратную сторону. Бесая, в одном белье, ходила она по снегу до тех пор, пока ее мучитель сам не продрог и не рожна, что пора вернуться под теплый ярус.

Этот часовой караулил Татьяну с десяти вечера до двух часов ночи и через каждые полчаса — час выводил ее на улицу на 15—20 минут. Наконец, изверг смелости. На пост встал новый часовой. Немецкой разорвали прищип на лавку. Улучив минуту, Прасковья Кулик затворила с Татьяной.

— Ты что будешь? — спросила она. — А как зачем это? — Сама-то откуда? — Я из Москвы. — Рядомки есть? Девушка не ответила. Она пролежала до утра без движения, ничего не сказала богом и даже не застонала, хотя ноги ее были отморожены и не могли не причинять боли.

Никто не знает, спала она в эту ночь или нет, и о чем думала она, окруженная злыми врагами.

Позтру солдаты начали строить посреди деревни колодезь.

Прасковья снова затворила с девушкой: — Позавчера это ты была? — Я... Немцы сторели? — Нет.

— Жаль. А что сторело? — Кожи дажно сторели. Скажывают — орудие сторело...

В 10 часов утра пришел офицер. Старший из них по-русски спросил Татьяну: — Скажите, кто вы? Татьяна не ответила.

— Скажите, где вы обитаете? — Сталина находится на своем посту, — ответила Татьяна.

Продолжения допроса хозяйка дома не слышала — им велели выйти из комнаты и вернуться обратно, когда допрос был уже окончен.

Из коммандтуры привели чухотку, татьянских вещей: жакет, брошки, чулки, Шапка, меховая куртка и валяные сапожки и мешки — их успели уже похитить между собой интер-офицеры. Тут же лежала ее походная сумка и в ней — бутылки с бензином, спички, патроны и валяная шапка и соль.

Татьяну одели, и хозяйка помогла ей дотянуть чулки на почерневшие ноги. На груди Татьяне повесили отобранные у нее бутылки с бензином и доку с надписью: «Партизан». Так ее повели на колодезь, где стояла колодезь.

Место камня окружало десятеро конных и саблями наголо. Вокруг стояло больше сотни немецких солдат и несколько офицеров. Местных жителей было приказано собираться и присутствовать при казни, но их пришло немного, а некоторые, придя и

постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища. — Прилет человек десять и идут по очереди из дома в дом. Каждый берет, что ему понравится: один ошейку, другой позуру. Летские игрушки и то зберали... В одной деревне колхозница показывает

Степан ЩИПАЧЕВ. **ГДЕ ПОБЫЛ ВРАГ** Уж далеко остались позади Можайские березовые чащи, И Вязьма — вот, за дымкой голубой, И Белоруссия все чаще, чаще Прислушивается — далеко ли бой?

лица. Грунья автоматчиков на холмах. У оного лопаш, без седла и уащетки: тройная, брешенная похиани. Немцы откапываются на земле, последние немцы, унесенные югом из Московской области. А. ЛЕОНТЬЕВ.

От пепла, крови — страшен след врага. Где побыл враг, жилища очищайте, Сиробито, мойте — сколько силы есть... Морозы подмосковные, крепчайте, Чтоб дух немецкий выморозить здесь.

постояв, потихоньку разошлись по домам, чтобы не быть свидетелями страшного зрелища.

Под шумешной с перекаланным петлей была поставлена одна из дурной для зрения из-под махорки. Татьяна приподняла, поставила на ящик и взынул на шее петлю. Один из офицеров стал одождать из выношу об'екту своего «какази»: немцы — любители фотографировать казни и экзекуции. Командант сделал солдатам, выполнявшим обязанность палачей, знак обожать.

Татьяна воспользовалась этим и, обрашываясь к колхозникам и колхозницам, крикнула громким и чистым голосом: — Эй, товарищи! Чего смотрите незасево? Будите смеяться, боритесь, бейте немцев, агитте, траите!

Стойший рядом немец замалчивается и хотел бы ли ударить ее, то ли захватить ей рот, но она оттолкнула его руку и продолжала:

— Мне не страшно умереть, товарищи. Это — счастье умереть за свой народ...

Фотограф сная выселину издала и об'азил и теперь присрасталась, чтобы сфотографировать ее сбосу. Навалил бескомольно поглазил на комманданта, и тот крикнул фотографу: — Скорее жей!

Тогда Татьяна повернулась в сторону комманданта и, обрашываясь к нему и к немецким солдатам, продолжала:

— Вы меня сейчас повесите, но я не умираю. Вас десяти миллионков, всех по переписываете. Вам отомстит за меня. Солдаты! Дода по подно, славийтесь и идею, все равно победа будет за нами! Вам отомстит за меня...

Русские явилы, стоявшие на площадке, плакала. Иные оторвались и стояли спиной, чтобы не видеть того, что должно было сейчас произойти.

Назад подтянул веревку, и петля стала таинно гореть. Но она обвила руками раздвинутая петля, приподнялась на носках и крикнула, напрягая все силы:

— Прощайте, товарищи! Боритесь, по бейтесь! С нами Сталин! Сталин придет!..

Валач уперся большим бакином в ящик, и ящик застрепил по спящюму, уютному снегу. Верхний ящик свалился вниз и гулко стукнулся оземь. Тогда отшатнулся. Раздался и захор чей-то вой, и эхо повторило его на озвуче леса...

Она умерла во вражеском плену на фашистской дыбе, из длинным звуком не выдал своих страданий, не выдал своих товарищей. Она приняла мученическую смерть, как героиня, как дочь великого народа, которого никому и никогда не сломаешь! Память о ней да живет вечно!

...В ночь под новым год переживавшие фашисты окружили выселину, егидили с повешенной ошейку и гнусно надругались над ее телом. Она висло погрела деревню еще день, несколько и жаренные выжила, лажы, а вечером 1 января фашисты распорядились сжечь выселину. Староста выселину жонел, и они палобили в мерзлой земле яму и стороне от деревни.

Тако похоронили без похестей, да деревня, под плакутой березой, и аллага валяла дохляканий холмик. А вскоре пришла ле, для кото Таня в темные декабрьские ночи груду проблазал кору на землю. Остановившись для пашала, бойды прирут сны, чтобы до земли позловиться ее праху и сказать ей душевное русское спасибо. И ошу с матерью, породившим на свет и вырастившим героиню; и учидетям, воспитавшим ее; и товарищам, зашлюшим ее дух.

И неминуемая слава разнесется о ней по всей советской земле и миллионы людей будут с любовью думать о дилой зашлюженной комле, и Сталин мысленно придет к надгробью своей верной дочери. П. ЛИДОВ.

Западный фронт, 26 января.

Перед казнью произнесла слова призыва: «Граждане! Не стойте, не смотрите. Надо помогать воевать Красной Армии, а за мою смерть наши товарищи отомстят немецким фашистам. Советский Союз непобедим и не будет побеждён». Обращаясь к немецким солдатам, Зоя Космодемьянская сказала: «Немецкие солдаты! Пока не поздно, сдавайтесь в плен. Сколько нас ни вешайте, но всех не перевешаете, нас 170 миллионов»

Другие работы художников

Авторский шарж художников на самих себя

**Михаил Васильевич
Куприянов**

8 октября 1903 — 11 ноября 1991

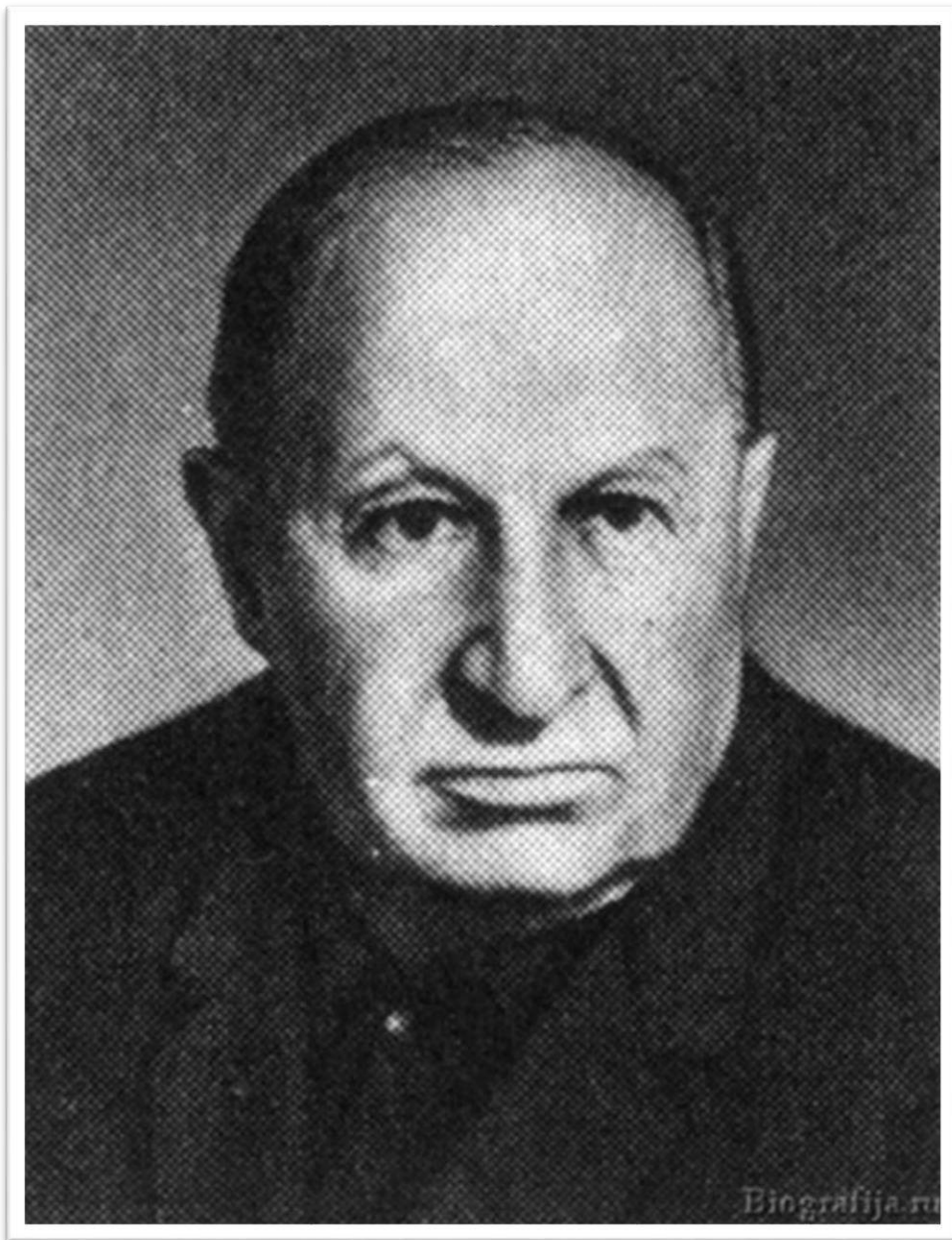

Николай Александрович Соколов

8 июля 1903 (Рыбинск)— 17 апреля 2000

Порфирий Никитич Крылов

9 августа 1902 — 15 мая 1990

Бехово

Над Окой

Зимнее поле

Цветущая яблоня

Цветы в синей вазе

Сирень и три лимона

Розы

Аленушка

Завтрак на террасе

Корин П.Д. «Кукрыниксы»

От кого _____

Откуда _____

Индекс места отправления

Кому

Куда

Индекс места назначения

.....

Художник С. Григорьев.

ПОЧТА РОССИИ